

Киевское слово.

1894. 21 мая. № 2281.

С. 2.

Литературныя бестыды.

А. П. Чеховъ *).

Надъ маленькими произведеніями А. П. Чехова, собранными въ отдѣльный томикъ, подъ названіемъ „Пестрые рассказы“, я долго останавливаться не буду. Это по большей части короткіе анекдотическаго характера рассказы, не имѣющіе серьезнаго значенія ни въ литературномъ, ни въ художественномъ отношеніи. Анекдотъ, какъ извѣстно, рассчитывается лишь на мимолетное впечатлѣніе, путемъ остроумныхъ или смѣхотворныхъ коллизій и положеній, не всматривая часто на то, будутъ-ли они правдоподобны и естественны; дѣйствующія лица не требуютъ особенной обрисовки, такъ что въ анекдотѣ совершенно свободно можетъ быть подставлено выхито одного другого лица, потому что суть собственно не въ лицахъ, а именно въ коллизіяхъ и разладныхъ *qui pro quo*.

Къ анекдотамъ нельзя принимать требованій, какія предъявляются даже къ парикатурѣ, ибо тенденція послѣдней значительно выше.

Но уже анекдотическіе рассказы г. Чехова отличаются тѣми особенностями, обойти означеніемъ которыхъ невозможно. Прежде всего и цѣннѣе всего это то, что г. Чеховъ всегда избѣгаетъ шаржа и скандальности (есть исказченія, но не больше одного дуэта, напр. „Дочь Альбиона“), составляющихъ дешовое, навѣрное благодарное и вѣрное средство для достиженія эффекта. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, потому что чувство irony, присущее каждому художественному дарованію, никогда не позволяетъ переходить предѣлы, за которыми уже нарушаются интересы правды. Поэтому этого, иллюзорнаго разлада съ удовольствіемъ и даже заставляющаго всерьезно смѣяться. Въ повстрѣненіи самыхъ разладныхъ вещей водятъ самымъ художественнымъ и потому въ томъ, что г. Чеховъ не употребляетъ никакихъ издѣлихъ пріема ссорозвучиванія всего интереса разлада въ смеху, онъ беретъ во-

кую-либо живую сценку и ведетъ ее всю отъ начала до конца съ одинаковымъ интересомъ, легко, точно играя, и сохраняетъ такимъ образомъ полноту и ровность вашего настроенія. Особенно живо и симпатично выходитъ у г. Чехова тѣ рассказы, въ которыхъ фигурируютъ дѣти, какъ, напр., „Кухарка женится“, „Дѣтвора“ и т. п., а такія его вещи, какъ, напр., „Пѣвчіе“, „Злоумышленникъ“ и „Тоска“, уже прямо выходятъ изъ области анекдотическихъ рассказовъ и въ нихъ легко можно найти штрихи, сдѣланные опытной и умѣлой рукой. Общее впечатлѣніе, какое выносите послѣ прочтенія „Пестрыхъ рассказовъ“, будетъ таково, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ человекомъ, который уже здѣсь выделяется изъ общаго зауридно-фельетоннаго уровня авторовъ многихъ „рассказовъ“.

На этомъ мы и покончимъ съ „Пестрыми рассказами“ и перейдемъ къ слѣдующему сборнику „Въ сумерки“, составляющему естественное продолженіе „Пестрыхъ рассказовъ“.

„Въ сумеркахъ“ въ значительной мѣрѣ оправдываются тѣ ожиданія, какія возбуждаетъ въ насъ авторъ. Тутъ онъ дѣлаетъ попытку проникнуть во внутренний міръ героевъ своихъ сценъ и рисуетъ его хотя и не глубоко, но вѣрно схватывая наиболѣе нужныя черты. Въ этой работѣ видна заботливость, теплое, хорошее чувство, которое авторъ умѣетъ сообщить и намъ, не прибѣгая къ искусственнымъ средствамъ, интересъ красоты и ясности вымывиваютъ тутъ еще болѣе; оводятся, наконецъ, изображеніе какъ житейской обстановки, такъ и описанія природы, которыя у г. Чехова самымъ вѣрнымъ и до извѣстной степени оригинальнымъ даже. Отличаясь наилучшимъ изъ этой серии рассказовъ, я, насколько позволяютъ мѣсто, попробую остановиться на найдетъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Посмотрите въ „Мечтахъ“ фигуру сотскихъ и бродягъ, особенно послѣднихъ, онѣ очерчены хотя въ образѣ только, но какъ не стоитъ особаго труда представить ихъ собою живыми. Разговоръ ихъ между собой на пути доводитъ ихъ еще болѣе. Очень характерны для артеган-

сти мечты о „свободномъ“ жити въ Сибирь, куда онѣ должны попасть, какъ бродяго (изъ-за этого онѣ и бродяжничаютъ); какъ бродяга же, онѣ инстинктивно чувствуютъ красоты природы и любятъ ихъ, любятъ здѣсь, просторъ полей и рѣкъ и воображаютъ себя среди этой природы не иначе, какъ „вольной птицей“. Разговоръ о „вольной“ жизни производитъ впечатлѣніе даже на обоихъ сотскихъ-коннозвонкахъ: чуть замѣтнымъ штрихомъ проскальзываетъ у нихъ что-то вроде зависти, что хорошая вольная жизнь доступна этому „дохлому“ бродягѣ, какъ бы по праву, а имъ—дойкамъ обывателямъ—нѣтъ, и вотъ одинъ изъ сотскихъ круто обрываетъ мечты бродяги: „такъ-то оно такъ, все оно хорошо, только, братъ, не доберешься ты до привольныхъ мѣстъ“. Даже онѣ, эти вольныя мѣста, и тѣснѣнный бродяжка, конечно, скорѣе подохнетъ, чѣмъ до нихъ доберется, не считая острожныхъ безочечныхъ мытарствъ. „И впрямь тебѣ не дойти! Какой ты холокъ? Погляди на себя: кожа да кости! Упрешь, братъ!“. Бродяга, внезапно возвращенный отъ своихъ розовыхъ грезъ въ грубой, непривлекательной дѣйствительности, „съ ужасомъ смотритъ на своихъ снульниковъ... Онъ весь дрожитъ и какъ-то корчится, точно гусеница, на которую наступали“.

Здѣсь я сдѣлаю небольшое замѣчаніе, которое будетъ имѣть значеніе и для послѣдующихъ принятій. Г. Чеховъ опять-таки слѣдуетъ художественному чувству, слѣдуетъ чувству irony, угадываетъ равновѣсіе между содержаниемъ и формой. Той ситуацией, той картиной, которая есть хотя бы и въ „Мечтахъ“, любая „способность“ обрадовалась бы, какъ кладу, и не превинула-бы растопиться на цѣлую повесть, отягощая ее ненужными длиннотами и подробностями и толкая на одну мѣсть въ тѣхъ нѣсколькихъ „психологическихъ анализахъ“. Г. Чеховъ строго соразмѣряетъ свои силы и даетъ тутъ лишь короткій „рассказъ“, очерченная, насколько можетъ, характеристика и отбрасывая основныя пункты и сберегая такимъ образомъ цѣльность и ясность впечатлѣнія, а слѣдовательно, и его живость.

Рассказъ „Дѣла“—искомый психоло-

Киевское слово.

1894. 21 мая. № 2281.

С. 2.

гический атомы, живо рисуемый, въ какое-то время неопредѣленное попадаютъ воспитатели отъ такихъ поступковъ дѣтей, гдѣ различныя, выработанныя практикой, рутинныя шфы исправленія оказываются непригодными и когда требуется рѣшить сложную дилемму: или оставить поступокъ ненаказаннымъ, или же изобрѣсти особую шфу. Вопросъ этотъ гораздо важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и г. Чеховъ въ своемъ разсказѣ тонко и съ достаточной ясностью рисуетъ положеніе г. Быковского, прокурора окружнаго суда, узнавшаго, что семилѣтній сынъ его Сережа беретъ у него изъ стола табакъ и „курить“. Что же съ нимъ сдѣлать? Онъ вспоминаетъ, какъ въ его еще время гимназистовъ за куреніе побили и выгоняли изъ гимназіи и ему известны два-три плачевные результаты такой суровой шфы. Г. Быковский припоминаетъ за сентенціи, вродѣ того, что „уличаетъ сына въ „нехорошихъ поступкахъ“, развиваетъ предъ нимъ понятие о чужой собственности и ея неприкосновенности, потомъ объясняетъ ему, почему самъ онъ имѣетъ право курить, и т. д. Онъ самъ плохо вѣритъ въ действительность такихъ правоученій, — сына одолеваетъ скука. Вопросъ обостряется и прокуроръ начинаетъ чувствовать, что почва уходитъ у него изъ подъ ногъ. Наконецъ, обоимъ выручаетъ случайность. Прокуроръ имѣлъ обыкновеніе, если было свободное время, разсказывать сыну сказки, которыми ему, конечно, приходилось импровизировать. Такъ случилось и теперь: сынъ, уставши слушать сухую мораль, проситъ разсказывать ему сказку; прокуроръ почувствовалъ въ рукахъ веревку отъ якоря спасенія и разсказываетъ Сережѣ интересную сказку про то, какое ужасное несчастіе постигло одного царевича на то, что онъ курилъ. Сказка произвела должный эффектъ и сдѣлала столь глубокое впечатлѣніе на ребенка, что онъ всерьезно обѣщалъ больше не курить. Раздумывая о случившемся, г. Быковский приходитъ нелепо въ такому заключенію: „почему мораль и истина должны подчиняться не въ сиротѣ видѣ, а съ припискою, непринципно въ обидчивости и пошлости видѣ, какъ псаломъ? Это не оригинально... Философія, обманъ, ф-

кусъ... Лекарство должно быть сладкое, истина красивая... И эту ложь напустилъ на себя человѣкъ со времени Адама... Впрочемъ... быть можетъ все это естественно и такъ и быть должно... Мало-ли въ природѣ целесообразныхъ обмановъ и иллюзій! Хорошая и вѣрная мысль. Истина и мораль, не принимающія въ расчетъ души и сердца, всегда рискуютъ быть только выслушанными, но плодовъ не принесутъ.

Изображеніе несложныхъ, неглубокихъ, но достаточно яркихъ психическихъ состояній даются г. Чехову (мы остаемся въ предѣлахъ занимающихъ насъ разсказовъ) особенно хорошо и еще выигрываютъ отъ сжатости изложенія, недопускающей ничего лишняго. Съ этой стороны весьма симпатичны „Вѣдьма“, „Втрочка“ и „Несчастье“. Истиннымъ драматизмомъ проникнутъ разсказъ „Кошмаръ“. Это яркая картинка пылаго молодого пастыря духовнаго, которому приходится учить свою паству въ то время, когда ему самому и его молодой жень нечего вѣтъ въ буйвальномъ значеніи слова.

Въ разсказываемой серіи я долженъ указать еще на разсказъ „Святою ночью“. Весь онъ построенъ на изображеніи настроенія, вызываемаго всею пасмурною ночью, окружающей природой, изображеніи задушевнѣе, красиво картинно, проникнутою непринимчивъ чувствомъ. Среди всего грустной, но нисколько не диссонировавшей нотой выдвигается фигура послушника Іеронима и его разсказъ объ умершемъ напикнутомъ дьяволѣ, безвѣстномъ сочинителѣ столь „душевныхъ“ аканастовъ, что отъ нихъ не разъ плакалъ бѣдный Іеронимъ, потерявшій со смертью о діаволѣ лучшаго своего друга. По поводу этого разсказа слѣдуетъ сдѣлать небольшое замѣчаніе. Кто-то изъ критиковъ упрекалъ г. Чехова въ томъ, что въ нѣкоторыхъ его разсказахъ обстановка, *enluminant* выводимыхъ лицъ на сцену людскихъ фигуръ иногда до нѣкоторой степени отвлекаетъ вниманіе отъ этихъ фигуръ и такимъ образомъ вредитъ художественной ориентировкѣ разсказовъ. Это нѣкоторое критикъ совершенно справедливо, но лишь съ формальной стороны. Нужно замѣтить, что у г. Чехова есть особый, своеобразный

пріемъ: описаніе обстановки, картины природы иногда сливаются съ положеніемъ душевнымъ состояніемъ выводимыхъ лицъ, такъ что черты, какія кажутся приписанными у изображаемаго г. Чеховымъ человѣку, нужно искать въ изображеніи вѣтшихъ предметовъ, и это то именно перенесеніе настроенія съ человѣка на вѣтшій міръ и обратно, это тѣсное единеніе природы съ человѣкомъ, по моему, придаетъ особую цѣльность и задушевность разсказамъ г. Чехова, иногда такимъ образомъ вторгающимся уже въ область чистой поэзіи. Конечно, среди другихъ литературныхъ произведеній, гдѣ природа приводится до ненужности мизерное шество, гдѣ природа не служитъ источникомъ живыхъ чувствъ, какъ нѣчто живое само, среди такихъ, я говорю, произведеній разсказы г. Чехова легко могутъ показаться даже несообразными въ частяхъ и неясными. Но я остаюсь при томъ мнѣніи, что это погрѣшность чисто формальная и что г. Чеховъ, чуявъ въ красотахъ, — правъ. Недостатокъ нѣтъ встаетъ лишь въ слѣдствіи отдаленій очеркъ рядбору такихъ вещей, какъ „Счастье“, „Письмо“ и „Стенъ“, составляющихъ завершеніе періода, съ котораго творчество г. Чехова пошло своимъ путемъ. Рядбныхъ образомъ, темъ я укажу и на тѣ особенности въ описаніи природы, описанія иногда истинно художественныя, которыми отличается Чеховъ. Я не могу скрыть тутъ грустнаго чувства, вотъ рое вызываетъ во мнѣ импрессионизмъ большинства соприкосновенія беллетристовъ именно этой природы. Вспомните тѣни Тургенева и Гоголя, какія вставать предо мною и душется въ это поглужина нѣтъ ихъ лавитъ? Неужели быты безсмертными странники, изумленные нѣтъ излупомъ природой? А можетъ быть природа стала имомъ, умерла? Нѣтъ! Не сама стала имомъ, вы сами утратили во жетелъ, родились новой воды, полагаетъ въ томъ, что, по крайней мѣрѣ на нѣтъ нѣтъ совѣтъ несправно.

А. Д. Зотовъ